

СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ОБРАЗНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
ПОСЛОВИЦ РУССКОГО И УЗБЕКСКОГО НАРОДОВ

Шералиева Шохидахон Валижон кизи

магистрант специальности: 70230101-Лингвистика (русский язык)

Каршинского государственного университета

ORCID: 0009-0001-5157-1351,

sheraliyevashokhidaa@icloud.com Ташкент / Узбекистан

Аннотация: Статья посвящена сопоставительному лингвокультурологическому анализу паремиологических фондов русского и узбекского народов. В работе исследуются механизмы отражения национального менталитета через семантическую структуру и образный строй пословиц. Автор выявляет как универсальные семантические доминанты (отношение к труду, дружбе, семье), так и этноспецифические особенности, обусловленные географическими, бытовыми и религиозными факторами. Особое внимание уделяется анализу «этнографического кода»: гастрономическим метафорам, природно-ландшафтным образам и вербализации социальных иерархий. В результате исследования доказывается, что при различии внешних образных средств, семантические ядра пословиц обоих народов демонстрируют единство общечеловеческих ценностей.

Ключевые слова: пословицы, семантические особенности, образно-культурная специфика, лингвокультурология, русский язык, узбекский язык, национальная картина мира.

Abstract: The article is devoted to a comparative linguocognitive and cultural analysis of the proverbial funds of the Russian and Uzbek peoples. The paper examines the mechanisms of reflecting the national mentality through the semantic structure and figurative system of proverbs. The author identifies both universal semantic dominants (attitudes towards labor, friendship, family) and ethno-specific features conditioned by geographical, everyday, and religious factors. Special attention is paid to the analysis of the "ethnographic code": gastronomic metaphors, natural and landscape images, and the verbalization of social hierarchies. As a result of the study, it is proved that despite the difference in external figurative means, the semantic cores of the proverbs of both peoples demonstrate the unity of universal human values.

Keywords: proverbs, semantic features, figurative and cultural specificity, linguoculturology, Russian language, Uzbek language, national picture of the world.

Введение

Изучение паремиологического фонда – это путь к пониманию «коллективного бессознательного» народа. Пословицы не только фиксируют бытовой опыт, но и выступают в роли культурных констант, формирующих национальную идентичность. Как отмечает М. Р. Саидова, «в пословицах и поговорках находит

отражение не только история народа, но и его психология, образ мышления и этические нормы» (Саидова, 2024, с. 121). В эпоху глобализации паремии остаются тем устойчивым ядром, которое транслирует традиционные ценности в современное коммуникативное пространство. Актуальность исследования связана с выявлением того, как при коренной разности лингвистических систем и грамматического строя (флективного русского и агглютинативного узбекского) сохраняется поразительное единство дидактических целей и нравственных ориентиров.

Семантический анализ показывает, что и в русской, и в узбекской культурах пословицы выполняют функцию неформального морального кодекса, регулирующего социальное поведение. Одной из центральных антропоцентрических тем является ценность человеческих отношений, верности и дружбы.

В узбекской лингвокультуре дружба рассматривается прежде всего сквозь призму испытаний и времени: «Do'st kulfatda bilinadi» (Друг познается в беде). Это семантически полностью совпадает с русским эквивалентом. Ж. Т. Хамроева подчеркивает, что «несмотря на различие лексических средств и национальных реалий, концепт "дружба" в обоих языках несет в себе мощную позитивную прагматическую установку на верность, долготерпение и бескорыстную взаимопомощь» (Хамроева, 2025, с. 47). Дополнительно в обеих культурах ярко выражена тема ценности слова и честности. Русское изречение «Слово – не воробей, вылетит – не поймаешь» находит глубокий отклик в узбекской пословице «Aytilgan so'z – otilgan o'q» (Сказанное слово – выпущенная стрела). Здесь мы видим конвергенцию смыслов: акцент на необратимости речевого акта и ответственности за него.

В теме трудолюбия также наблюдается глубокий параллелизм, однако с тонкими ментальными различиями в акцентах. Русское «Терпенье и труд все перетрут» коррелирует с узбекским «Mehnat qilsang – rohat ko'rasan» (Потрудишься — увидишь наслаждение). Как отмечает М. И. Абдужалилов, «анализ данных паремий позволяет выявить специфику национального характера: если русская паремия делает упор на процесс преодоления препятствий через усилие воли ("перетрут"), то узбекская в большей степени ориентирована на конечный результат и достижение гармоничного благополучия ("rohat" – покой, наслаждение)» (Абдужалилов, 2022, с. 81).

Также стоит отметить отношение к лени. В обеих традициях она порицается как социальный порок в русском языке: «Труд кормит, а лень портит»; в узбекском языке: «Mehnat – baxt keltirar, dangsalik – dard keltirar» (Труд приносит счастье, лень приносит болезнь).

Лингвокультурологическая ценность этих выражений заключается в том, что они формируют у носителей языка схожие паттерны поведения, несмотря на различные исторические пути развития народов. Ф. И. Исмаилова утверждает, что «паремии выступают своего рода "генетическим кодом" культуры,

обеспечивающим выживание этноса через трудовую этику» (Исмаилова, 2024, с. 49). Таким образом, семантическое расширение пословиц позволяет увидеть, что универсальные категории человеческого бытия доминируют над этническими различиями.

Наибольшие различия между паремиологическими фондами двух языков обнаруживаются именно в их образном строе, который напрямую зависит от внешних условий жизни этноса. Как указывает М. И. Абдужалилов, «образный компонент пословицы — это зеркало национального быта, флоры и фауны региона, фиксирующее уникальный исторический опыт освоения окружающего пространства» (Абдужалилов, 2022, с. 79).

Для русского народа хлеб является центральным сакральным символом: «Хлеб на стол – так и стол престол». Этот образ олицетворяет не просто еду, а божественную благодать и основу социального бытия. В узбекской лингвокультуре аналогичную роль играет гостеприимство, где ключевыми атрибутами выступают не только лепешка (нон), но и чай: «Choy – baraka, mehmon – rizq» (Чай – это благодать, гость – это пропитание/удел). Данная пословица отражает восточную философию, согласно которой приход гостя приносит в дом материальное и духовное изобилие.

Географический детерминизм определяет метафорический ряд паремий. Русские пословицы немислимы без образов леса, поля и суровых климатических условий: «В лесу дрова рубят, а в город щепки летят». Лес здесь выступает и как кормилец, и как опасная стихия. В узбекских мақолах доминируют образы, связанные с дефицитом или ценностью воды, а также величием гор: «Tog‘ tog‘ bilan uchrashmas, odam odam bilan uchrashar» (Гора с горой не сойдется, а человек с человеком сойдется). Здесь гора выступает символом незыблемости, статичности и масштаба, на фоне которых человеческая судьба оказывается более динамичной и ценной.

Лингвокультурологический анализ показывает существенную разницу в вербализации концепта «Возраст» и иерархических отношений. Узбекская культура в этом вопросе демонстрирует жесткую сакрализацию авторитета старших. Ф. И. Исмаилова отмечает: «Узбекские пословицы о старших часто носят характер непререкаемого закона, где слово отца или мудреца приравнивается к абсолютной истине, не подлежащей сомнению» (Исмаилова, 2024, с. 48). Это подтверждается изречением: «Otalar so‘zi – aqlning ko‘zi» (Слово отцов – очи разума), где мудрость предков метафорически приравнивается к способности видеть и понимать суть вещей.

В русском языке отношение к старости более амбивалентно и часто сопряжено с бытовой иронией или чисто практическим советом. Паремии вроде «Старость – не радость, а пришибить некому» или «Старый ворон мимо не каркнет» подчеркивают, что уважение вызывает не сам факт возраста, а накопленная жизненная опытность и осторожность. Как отмечает М. З. Фатхуллаходжаев, «если в узбекской традиции акцент сделан на этической вертикали и безусловном почете,

то в русской – на когнитивном аспекте, то есть на знаниях, которые старость приносит» (Фатхуллаходжаев, 2024, с. 116).

Заклучение

Подводя итог, можно утверждать, что сравнительное исследование подтверждает ключевой тезис: «паремиологические единицы являются мощным инструментом кодирования национальных смыслов и важнейшим транслятором культурной памяти» (Фатхуллаходжаев, 2024, с. 114).

Несмотря на существенные различия в образных средствах – использовании «северных» (лес, медведь, лед) или «восточных» (караван, горы, арык) метафор – семантические ядра пословиц русского и узбекского народов демонстрируют поразительное сходство. Единое понимание категорий добра, зла, трудовой этики и семейной верности доказывает, что народная мудрость, выраженная в пословицах, служит универсальным мостом, соединяющим различные лингвокультурные миры. Таким образом, паремиология остается актуальной областью для изучения диалога культур и укрепления взаимопонимания между народами.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Абдужалилов М.И. Comparative semantic-linguocultural analysis of Russian and Uzbek phraseological units // *Philological sciences*. — 2022. — № 3. — С. 78–85.
2. Исмаилова Ф.И. Узбекские пословицы и их русские эквиваленты // *Научный вестник*. — 2024. — № 1. — С. 45–52.
3. Саидова М.Р. Оценка человека в русских и узбекских пословицах и поговорках // *Вестник Бухарского государственного университета*. — 2024. — № 1. — С. 120–127.
4. Фатхуллаходжаев М.З. Comparative analysis of Russian and Uzbek proverbs and sayings // *American Journal of Research in Humanities and Social Sciences*. — 2024. — Vol. 19. — P. 112–118.
5. Хамроева Ж.Т.К. Сравнительное исследование некоторых пословиц на русском и узбекском языках // *Языкознание и литературоведение*. — 2025. — № 2. — С. 45–51.